

Интересы Германии на Севере Европы, прежде всего – на Северо-Западе России, в сфере энергетики могут быть сосредоточены, в основном, вокруг газа Штокмановского месторождения в Баренцевом море и долговременных хранилищ ядерных материалов. В статье рассматривается взаимосвязь этих проблем.

Ядерные отходы, газовые месторождения и безопасность Севера Европы

Е. В. КОМЛЕВА,
Дортмундский университет, Институт философии,
Германия

Газ и ядерная сфера в координатах интегральной оценки

Германия получает и будет получать значительную долю природного газа для своих потребностей от Норвегии и России. Предполагается, что заполярный газ в Германию пойдет по трубопроводам «Баренцево море – Выборг» и «Северо-Европейский».

Импортеры энергии в Европейском Союзе все настойчивее поднимают на официальном уровне вопросы единой энергетической политики. В начале ноября 2006 г. сбой в электроснабжении ряда регионов Европы показали, как хрупка энергетическая цивилизация.

Новые основополагающие принципы и документы, регулирующие взаимоотношения Европейского Союза и России, формируются с трудом. Не исключение и сфера энергетики. Нежелание России ратифицировать Энергетическую хартию ЕС в ее сегодняшнем виде объясняется не только вытекающими из этого документа российскими потерями в нефтегазовом секторе, но и слабым представительством страны на европейском рынке ядерного топлива.

Германия — основной потребитель и, возможно, будущий распределитель в Европе российского газа, в том числе — газа шельфа Баренцева моря, соучредитель российско-германской рабочей группы по коммерческому использованию Северного морского пути с перспективой трансформации этой группы в финансово-промышленную корпорацию. Германия, по словам президента РФ В. Путина (Дрезден, октябрь 2006 г.), будет получать в течение 50–70 лет дополнительные (по сравнению с прежними договоренностями) объемы газа (из Штокмановского месторождения) и работает над вариантом создания единого энергетического пространства с Россией или Францией. Последнее весьма вероятно, если учесть тенденцию «энергетического национализма», усиливающуюся в ЕС (несмотря на официально декларируемую в общих документах Союза стратегию к объединению энергетической политики), закрытия германских АЭС и угольных шахт.

Каким хотелось бы видеть регион, по территории которого пройдет трубопровод? Спокойная, благоустроенная Финляндия давно мечтает, чтобы норвежский и российский газ в Германию поступал через ее территорию. Заодно «Газпром», выведя газ на сушу, сразу получает доступ к западному рынку и стабильно высоким ценам. Финляндии и Швеции газ также нужен. Кстати, транспортировать газ Баренцева моря в Грайфсвальд через Швецию либо Ботнический залив еще и ближе, нежели через Выборг.

Однако разработку Штокмановского месторождения и рассмотренный вариант транспортировки газа осложняют ядерные факторы — наличие ядерного оружия и радиоактивных отходов в регионе, транспортировка отработавшего ядерного топлива Северного флота и Кольской АЭС по Октябрьской железной дороге вдоль будущей трассы газопровода по территории Мурманской и Ленинградской областей, а также Карелии. Вводимая «Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами» предусматривает рассмотрение и последующую корректировку всех факторов, определяющих безопасность ядерных объек-

тов (новый для России документ, призывающий ужесточить действующие требования безопасности и заново оценить экологические последствия функционирующих ядерных объектов).

Вряд ли тем, кто занят разведкой запасов, поставщикам и потребителям углеводородов, другим участникам торговой, промышленной и сельскохозяйственной деятельности в регионе нужны неконтролируемые ими гражданские и военные ядерные сложности. Тем более, что цены на нефть и газ во многом зависят от ситуации вокруг ядерной программы Ирана и Северной Кореи, терроризма, вечных (с библейских времен) арабо-израильских конфликтов и других подобных.

Не исключено, что нечто подобное может повториться на Севере Европы. На акватории и берегах Кольского залива не случайно регулярно проводятся весьма затратные и крупномасштабные антитеррористические учения. В апреле 2006 г. в Мурманской области ФСБ задержан заместитель главы администрации ЗАТО Заозерный (там размещены база АПЛ и крупное временное хранилище радиоактивных отходов) по обвинению в подготовке в интересах частного бизнеса террористического акта на нефтетерминале в Кольском заливе. Существует мнение, что этот чиновник выполнял заказ одной из конкурирующих на энергетическом рынке региона бизнес-структур. В телепрограмме «Момент истины» один из высших чиновников области прокомментировал этот факт примерно так: «Нынче можно всего ожидать».

На заседаниях антитеррористических комиссий в регионе было рекомендовано повысить бдительность применительно к предприятиям региона из-за сложной обстановки в стране. Особенно — применительно к предприятиям, использующим ядерные технологии и материалы.

Присутствие ядерной опасности и ядерной энергетики в регионе Баренцева моря может негативно либо положительно влиять на добычу и транспортировку газа. Но и наличие газа, в свою очередь, будет влиять на ядерную ситуацию. Все или почти все зависит от людей, от их ментальности и целей. Еще более усилится геополитическое значение региона. И доходы от газового бизнеса позволят больше средств

вкладывать, например, в решение давних проблем радиационной безопасности. Как это делает ныне нефтегазовая Норвегия, помогая ядерно-нефтегазовой России.

О хранении ядерных материалов

Сегодня есть основания предполагать, что в России будет создано несколько крупных международных ядерных хранилищ длительного или «вечного» назначения. Одно из них — обязательно на Северо-Западе страны, где ядерные гражданские и военные объекты широко представлены. Причем надежность и безопасность хранения ядерных материалов будут, скорее всего, приоритетами.

Подчеркнем, что научно-политические дискуссии последнего времени по ядерной проблеме сконцентрированы, в основном, вокруг Договора о нераспространении ядерного оружия. Многие считают, что проблема нераспространения ядерного оружия зашла в тупик, что договор не выполняет своих функций. Он не помешал Индии, Пакистану, Израилю, ЮАР (которая затем по доброй воле отказалась от ядерного оружия), Северной Корее стать обладателями такого оружия. Особенно важен и критичен случай с КНДР. Эта страна присоединилась к договору, пользовалась через МАГАТЭ возможностями в части получения мирных ядерных технологий и знаний, подготовки специалистов. Затем вышла из договора, а через короткое время создала свое оружие, показав, как вполне законно, в существующем правовом поле, стать ядерной страной. Тем более, что в настоящее время государствам, особенно высокоразвитым и богатым, не составляет труда быстро сделать классическое ядерное оружие по технологиям 40-х годов прошлого века. Еще проще сделать «грязную бомбу» — радиологическое оружие. И уже ряд стран заявили о желании повторить пример КНДР.

Поэтому мировому сообществу требуется создавать не только научно-технические предпосылки для четкого разделения мирных и военных ядерных технологий, но и новые направления гражданской ядерной энергетики, которые по своим физическим основам не приводили бы к появлению оружейных плутония или урана или радиоактивных отходов.

Ситуация вокруг ядерного хранилища на Северо-Западе России чрезвычайно сложна. Еще недавно речь шла лишь о 70 млн дол. российских инвестиций (и это лишь для нужд Мурманской и Архангельской областей). Ныне американские компании готовы с выгодой для страны, на коммерческой основе, вложить в объект для хранения отходов лишь низкой и средней активности (но уже из разных стран) 10 млрд дол. Не исключено, что значение хранилища возрастет с расширением состава принимаемых объемов и категорий отходов (вплоть до высокоактивных, а также отработавшего топлива). Стоимость его может приблизиться к затратам на создание знаменитого американского аналога – Yucca Mountain (60 млрд дол.). Такие тенденции еще более усилятся в связи с предстоящей приватизацией части ядерной отрасли России.

Создание в России на западные инвестиции таких «гигантов» обсуждалось в Москве на конференции «Обращение с облученным ядерным топливом 2002: новые инициативы России». Генеральный директор МАГАТЭ М. Эль-Барадеи в Москве сообщил о совместных усилиях МАГАТЭ и России по составлению кадастра мирового отработавшего топлива и о желании России создать депозитарий. Случайно или нет, но в то же время в Москве проходили консультации США и России по делу бывшего министра ядерной энергетики Е. Адамова (конкретная тема – «грязные» деньги и безопасность).

В переговорах с В. В. Путиным в Санкт-Петербурге накануне саммита «восьмерки» Дж. Буш на неформальной встрече предложил России подумать над тем, чтобы принимать из третьих стран отработавшее ядерное топливо США на долговременное хранение. Перед визитом американского президента официальные лица США активно «вбрасывали» в СМИ информацию даже о подготовке к подписанию соответствующих документов.

В итоговом документе о результатах визита возможность хранения в России радиоактивных отходов других стран напрямую не отражена. Но отмечен общий прогресс планов российско-американского ядерного сотрудничества на ком-

мерческой основе, причем США, похоже, отказались от блокирования этих планов из-за позиции России по АЭС в Бушере (Иран). На совместной пресс-конференции В. В. Путин говорил уже не только о центрах по обогащению урана, но и о многосторонних центрах, предоставляющих услуги по всему ядерному топливному циклу. Россия поддержала инициативу США «Глобальное партнерство в ядерной энергетике». Таким образом, первоначально формально независимые и конкурирующие планы оказались сближены. «Восьмерка» решила обсудить инициативы президентов России и США совместно с МАГАТЭ. В сентябре 2006 г. темы саммита продолжили развивать в контексте необходимой законодательной базы руководители парламентов стран «восьмерки».

Несколько лет назад наблюдалась подготовка правовой базы по импорту ядерных материалов и политическая готовность создавать в России крупные международные хранилища отработавшего ядерного топлива, коррелирующая с аналогичными шагами зарубежных стран. Сегодня на повестке дня – предложения России о международной системе ядерных центров.

Готовность создавать хранилища поддержана председателем комитета по экологии Государственной думы России В. Грачевым (Bellona, сентябрь 2005 г.). Конкретизировано место – Север России. Все более отчетливо звучат в мире мысли о совместном хранении ядерных материалов, а внутри страны – предложения о выходе России на международный рынок ядерных услуг по всему их циклу. Почему, при относительном обилии в последние годы у России собственных денег, из-за рубежа по-прежнему массированно и без долгих уговоров финансируются российские ядерно-экологические проекты и конкретные объекты? Не звенья ли это одной цепи? Ведь нынешняя международная практика создания ядерных гражданских объектов предусматривает уже на самом начальном этапе наличие четких представлений по всем стадиям, особенно о заключительном периоде «жизни» топлива и отходов. Без этого ни один гражданский ядерный проект не будет воспринят обществом.

Научные исследования по выбору площадки для ядерного хранилища на Кольском полуострове ведутся уже более 15 лет. Инициаторы – Минатом РФ, Европейский Союз, Кольский научный центр РАН и немецкая фирма DBE. Декларированная в начале пути цель – оно будет создаваться для нужд Северо-Запада России и улучшения тем самым радиационно-экологической обстановки в регионе Баренцева моря.

Предварительные естественно-научные, технические и гуманитарные исследования в контексте симбиоза проблемы хранения ядерных материалов и комплексного потенциала Севера Европы приводят, например, к идее проекта SAMPO: Scandinavian Atomic Mission – the Proliferation's Oikumene, а также к гипотезе о создании международного ядерного хранилища «в ближней зоне» Норвегии, Финляндии и Швеции – на территории Печенгского района Мурманской области России, вне существующей и планируемой нефтегазовой инфраструктуры региона.

Само название проекта задает проблеме новое качественное измерение. Мотивировка его создания опирается не только на научно-технические моменты – изоляцию от биосферы отработавшего топлива АЭС, АПЛ и других реакторов, радиоактивных отходов, военных и гражданских, возможно, и других ядерных материалов, но и на комплексный подход в контексте широкого спектра ядерных опасностей (классическое ядерное оружие и радиологическое – «грязная бомба») и широкой номенклатуры ядерных и радиоактивных исходных материалов – сырья для такого оружия военного или террористического назначения. На передний план выходит принцип предотвращения угрозы распространения ядерных и радиоактивных материалов любого происхождения (при нынешней принципиальной невозможности четкого разделения военных и гражданских ядерных технологий) в пределах надежной, контролируемой и охраняемой международными усилиями «резервации».

Руководствуясь этой концепцией, Германия, в частности, пересматривает свою национальную стратегию изоляции ядерных отходов. Переход от системы ныне эксплуатируемых хранилищ – Konrad, Morsleben и Gorleben (два храни-

лица — бывшие подземные рудники, их существование давало право считать страну одним из немногих лидеров в решении проблемы) к новому, единому, пропагандируется, в основном, с помощью политических аргументов. Место размещения такого более безопасного (как декларируется) хранилища пока не названо.

Может быть, это и будет международное хранилище на Северо-Западе России? Вполне реалистичная версия «германского нераспространения» и вклада Германии в решение мировой проблемы надежного хранения ядерных материалов, если принять во внимание международные тенденции и конструктивные отношения между Россией и Германией в энергетической сфере. Упомянутая «Объединенная конвенция...» не исключает возможности трансграничных перемещений радиоактивных материалов по согласованию сторон. А реакторы бывшей ГДР на АЭС советского изготовления дают Германии преимущественное право начать совместно с Россией, Финляндией, Норвегией и Швецией проработку гипотезы SAMPO.

В мире появились признаки озабоченности по поводу безопасности, надежности в долговременном партнерстве и прозрачности технологий и бизнеса применительно к российским энергетическим объектам. Определенные силы подталкивают ЕС и НАТО к «охране» энергетической инфраструктуры на территории России и вмешательству в ее деятельность. Может быть, для начала лучше совместно обдумать гипотезу функционирования международного ядерного хранилища на территории России, но у границ Норвегии и Финляндии? Равно как и существования российского или в совместной собственности газопровода на территории Норвегии, Финляндии и/или Швеции? И доказать в дискуссиях на европейской площадке преимущества или недостатки этих вариантов в контексте возникших опасений. Если преимущества будут неоспоримы, то проблема получит предпосылки решения для очень важного региона — Севера Европы.